

Позиция Москвы в отношении ремилитаризации Рейнской области

А. О. Наумов

Для цитирования: Наумов А. О. Позиция Москвы в отношении ремилитаризации Рейнской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1199–1211. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.410>

В статье исследуется проблема ремилитаризации нацистской Германией Рейнской области в марте 1936 г. через призму восприятия этого события в советских военных и политико-дипломатических кругах. Особое внимание уделено анализу впервые вводимых в научный оборот документов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории, позволяющих по-новому взглянуть на позицию СССР в ходе развития кризисных тенденций Версальской системы международных отношений. Рассматриваются донесения в Москву советских высокопоставленных дипломатов и политических деятелей и реакция на них со стороны высшего советского руководства. Автор приходит к выводу, что Рейнский кризис сыграл важнейшую роль в изменении баланса сил в Европе, усилив стратегические позиции нацистской Германии и ослабив Францию. Великобритания после ремилитаризации Рейнланда встала на путь умиротворения агрессоров. По сути, данное событие явилось отправной точкой кризиса межвоенного порядка, приведшего в итоге к началу Второй мировой войны. Разразившаяся вскоре гражданская война в Испании, в ходе которой Германия и Италия активно участвовали на стороне мятежников, аншлюс Австрии и Мюнхенское соглашение стали логичным продолжением негативного трека в международных отношениях, запущенного весной 1936 г. Сдавая одну позицию за другой и идя на уступки гитлеровской Германии, Великобритания и Франция так и не смогли добиться своей основной цели — предотвратить новую мировую войну, а лишь укрепили уверенность европейских диктаторов в целесообразности добиваться своих целей силовым путем. В этих непростых условиях в руководстве Советского Союза, как показывают архивные документы, достаточно четко представляли себе всю опасность развития деструктивных явлений в европейской политике. При формировании собственной внешнеполитической линии в Кремле объективно оценивали как истинные намерения гитлеровского режима, так и суть внешнеполитических маневров западных демократий.

Александр Олегович Наумов — д-р ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., 27/4; naumovao@my.msu.ru

Aleksandr O. Naumov — Dr. Sci. (History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky pr., Moscow, 119192, Russian Federation; naumovao@my.msu.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Ключевые слова: ремилитаризация Рейнской области, Версальский договор, Локарнские соглашения, внешняя политика СССР, франко-советский договор о взаимопомощи, политика умиротворения, нацизм, Лига Наций, Вторая мировая война.

Moscow's Position on the Remilitarization of the Rhineland

A. O. Naumov

For citation: Naumov A. O. Moscow's Position on the Remilitarization of the Rhineland. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1199–1211.

<https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.410> (In Russian)

The article examines the problem of the remilitarization of the Rhineland by Nazi Germany in March 1936 through the prism of the perception of this event in the Soviet military and political-diplomatic circles. Special attention is paid to the analysis of archival materials introduced into scholarly circulation for the first time, allowing a new look at the position of the USSR during the development of crisis trends in the Versailles system of international relations. The author comes to the conclusion that the Rhineland crisis played a crucial role in changing the balance of power in Europe, dramatically strengthening the position of Nazi Germany and weakening the position of France. Great Britain, after the remilitarization of the Rhineland, embarked on the path of appeasing the aggressors. In fact, this event was the starting point of the crisis of the interwar order, which eventually led to the outbreak of World War II. Surrendering one position after another and making concessions to Hitler's Germany, Great Britain and France were unable to achieve their main goal — to prevent a new world war, only strengthening the confidence of European dictators in the expediency of achieving their goals by force. In these difficult conditions, as archival documents show, there was a clear understanding in Moscow how dangerous the development of destructive events in European politics was. When forming its own foreign policy line, the Kremlin objectively assessed both the true intentions of the Hitler regime and the essence of the foreign policy maneuvers of Western democracies.

Keywords: remilitarization of the Rhineland, Treaty of Versailles, Locarno Agreements, Soviet foreign policy, Franco-Soviet Pact, policy of appeasement, Nazism, League of Nations, World War II.

Ремилитаризация Рейнской области нацистской Германией в марте 1936 г. стала важной вехой в развитии кризиса Версальской системы международных отношений. Значение этого события в процессе сползания Европы к большой войне трудно переоценить, однако в современном отечественном научном дискурсе существует лишь несколько серьезных работ, в которых затрагиваются те или иные аспекты проблемы¹. Позиция одного из ключевых игроков европейской политики

¹ *Рябоконева С. И.* Рейнский кризис и Балканская Антанта (март — май 1936) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943). Свердловск, 1979. С. 5–20; *Печатнов В. О., Магадеев И. Э.* «... Великий кризис вот-вот начнется»: из донесений американской военной разведки в 1935–1941 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 145–159; *Наумов А. О.* «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 году // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 43–59; *Савинова Н. В.* «Немцы действуют решительно — значит чувствуют силу»: материалы НКВД об откликах населения Ленинграда на вступление германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону в 1936 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 236–247; *Иванов А. Г.* Рейнский кризис 1936 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 5/1. С. 76–85; *Крупская С. Ю.* Внешнеполитическая пропаганда национал-социалистической Германии и проблема

того времени — Советского Союза — в отношении Рейнского кризиса и вовсе никогда не становилась предметом отдельного исследования. Представляется целесообразным ликвидировать данный пробел. Особенно актуальной эта задача выглядит в свете появления в открытом доступе новых архивных документов, позволяющих проанализировать реакцию советской дипломатии и политического руководства на кризис, запустивший необратимые деструктивные процессы в рамках межвоенного порядка.

Как известно, по условиям Версальского мирного договора 1919 г. имевшая важнейшее стратегическое значение Рейнская область Германии и пятидесятикилометровая зона к востоку от Рейна подлежали демилитаризации. В 1925 г. был заключен Локарнский договор, в соответствии с которым Великобритания, Франция, Бельгия, Италия и Германия взяли обязательство гарантировать сохранение неприкосновенности послевоенных франко-германской и бельгийско-германской границ, а также соблюдение положений Версаля относительно демилитаризации левого берега Рейна и зоны на его правом берегу. Локарнские соглашения были признаны Лигой Наций.

В первое послевоенное десятилетие Версальская система международных отношений в целом сохраняла стабильность, а Веймарская Германия придерживалась взятых на себя обязательств, однако на рубеже 1920-х и 1930-х гг. в недрах межвоенного порядка явственно начали проявляться кризисные тенденции. Приход же в 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером, не скрывавших реваншистских устремлений и ставивших своей главной внешнеполитической целью освобождение от оков Версаля и возвращение потерянных по итогам Первой мировой войны территорий, резко обострил ситуацию на континенте. Тлеющие со времен Версальского урегулирования конфликты, среди которых был, разумеется, и вопрос о статусе Рейнланда, вновь обрели актуальность.

В январе 1935 г. Германия на вполне легальных основаниях вернула себе Саарскую область. Спустя два месяца, уже грубо нарушая постановления мирного договора 1919 г., Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности, создании полноценной сухопутной армии и военно-воздушного флота. Никакой серьезной реакции со стороны ключевых гарантов европейского статус-кво — Великобритании и Франции — не последовало. И если для Лондона деструктивные действия Третьего рейха не несли экзистенциальных вызовов, то в Париже они рассматривались совершенно под другим углом зрения. Наиболее дальновидные французские политики уже тогда видели смертельную угрозу в набиравшей силу нацистской Германии.

В этих условиях Третья республика нуждалась в крепких союзниках на Востоке, способных уравновесить растущую мощь гитлеровского режима. Сама логика развития геополитической ситуации на Европейском континенте подталкивала Францию к сближению с СССР. Советское руководство, в свою очередь, было крайне заинтересовано в создании полноценной системы коллективной безопасности в Европе. В стране проходил гигантский социально-экономический эксперимент, и спокойствие на внешних рубежах было крайне необходимо молодому Советскому государству. Не случайно сразу после вступления в Лигу Наций осенью 1934 г.

оккупации Рейнской демилитаризованной зоны (март 1936) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2–3. С. 111–114.

Советский Союз выступил с рядом инновационных предложений, направленных на оптимизацию деятельности первой в истории глобальной организации по поддержанию всеобщего мира и создание под ее эгидой эффективной системы коллективной безопасности².

Данные предложения, к сожалению, не получили развития ввиду негативной реакции на них со стороны западных держав, однако на двустороннем треке советской дипломатии удалось достигнуть большего. Несмотря на явное недовольство британских партнеров и части собственной антисоветски настроенной элиты и общественности, Париж пошел на сближение с Москвой. 2 мая 1935 г. между Францией и СССР был заключен пакт о взаимопомощи. Спустя две недели был подписан советско-чехословацкий договор, аналогичный франко-советскому за тем единственным исключением, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз мог оказать ей помощь только после соответствующих действий французов, которые уже были связаны союзным договором с Прагой от 1924 г. Стоит отметить, что пакт о взаимопомощи между Французской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик совершенно не противоречил Локарнским соглашениям, носил исключительно оборонительный характер и мог вступить в силу только в случае нападения иного европейского государства (или группы государств) на участников советско-французского соглашения.

Тем не менее Гитлер моментально обвинил Францию в нарушении духа и принципов Локарно. Собственную страну он представил едва ли не как жертву франко-советского сговора и коварной большевистской политики с целью окружить и задушить Германию, требовавшую всего лишь равноправного положения на международной арене. 21 мая 1935 г. фюрер произнес так называемую мирную речь, вызвавшую настоящий фурор в столицах западных демократий. Тесно связанная с британскими консерваторами газета «Таймс» в статье с говорящим названием «Тринадцать пунктов господина Гитлера. Реальное равенство статусов» писала: «Это мудрая, откровенная и всеобъемлющая речь. Кто бы ни прочитал ее, обладая непредвзятым умом, не может сомневаться в том, что направления политики, изложенные господином Гитлером, составляют основу для полного урегулирования всех спорных вопросов с Германией — свободной, равноправной и сильной, а не поверженной Германией с навязанным шестнадцать лет назад миром... Остается надеяться, что речь эта будет повсюду воспринята как искренняя, хорошо взвешенная и правдивая»³.

В целом статья отражала настроения подавляющего числа правящей элиты Соединенного Королевства. Желая любой ценой избежать новой мировой войны в обозримой перспективе, Лондон стремился интегрировать Третий рейх в Версальскую систему даже ценой серьезных уступок, особенно если они будут сделаны за счет европейских партнеров. Как показывают архивные документы, уже с весны 1935 г. в британском правительстве шли интенсивные консультации, общий смысл которых сводился к тому, что ремилитаризация Рейнской зоны не является стратегической угрозой интересам национальной безопасности Великобритании⁴.

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. XVII. М., 1971. С. 596–597.

³ The Times. May 22, 1935. P. 16, 18.

⁴ См., например: Vansittart minute // The National Archives (Kew) (далее — N.A.). FO 371/18852. P. 60; Wigram minute // N.A. FO 371/19883. P. 221; Memorandum by Jebb and Gwatkin “Economic Aspects

В Англии были настроены на сотрудничество с нацистским режимом и морально готовы допустить реокупацию Рейнланда задолго до ее реального осуществления.

Гитлер же продолжал претворять в жизнь стратегию «мнимого миролюбия». 22 мая 1935 г. в газете «Фелькишер Беобахтер», служившей рупором нацистской пропаганды, была опубликована речь фюрера в Рейхстаге, в которой он заявил, что Германия будет уважать все постановления Версальского договора в целом и Локарнского пакта в частности, в том числе тех, что касаются территориальных вопросов⁵. На самом деле уже 2 мая, в день подписания франко-советского договора, в германском Военном министерстве началась работа над операцией «Шулунг», предполагавшей своего рода мини-блицкриг по занятию Рейнской области⁶.

С начала 1936 г. риторика официального Берлина стала более агрессивной. Гитлер все чаще угрожал денонсировать Локарнский договор в случае, если франко-советский пакт будет ратифицирован Третьей республикой. 27 февраля, после длившихся две недели напряженных дебатов, пакт был принят Палатой депутатов — нижней палатой французского парламента. Не дожидаясь ратификации документа в палате верхней (Сенате), Гитлер решил действовать. 2 марта фюрер в резкой форме заявил французскому послу, что свершившийся факт создал «большие препятствия для улучшения франко-германских отношений» и предупредил, что в ближайшие дни рейх даст свой ответ⁷. Спустя пять дней, рано утром 7 марта 1936 г., три батальона немецкого вермахта и вспомогательные полицейские подразделения, не встречая никакого сопротивления, заняли демилитаризованную зону.

Спустя несколько часов после своей дерзкой акции Гитлер выступил с пламенной речью, в которой вновь увещевал мировое сообщество в своем искреннем стремлении к миру, не забыв при этом упомянуть о неравноправном положении Германии среди других европейских народов. Фюрер голословно обвинил Париж и Москву в подрыве Локарнского договора, заявив, что оккупация Рейнланда была осуществлена «в интересах права своего народа на безопасность границ»⁸. Рейхсканцлер от лица всего немецкого народа торжественно поклялся более не использовать силовые методы во внешней политике Германии, приложить максимум усилий для достижения компромисса с другими государствами, особенно западными, и никогда не нарушать мира. Заявив об отсутствии каких-либо территориальных претензий в Европе, Гитлер выдвинул целый ряд инициатив, некий «план мира», который эвентуально подразумевал ограничение численности немецких войск в Рейнланде, пакт о ненападении с Францией, возвращение Германии в Лигу Наций и т. д.⁹

Стоит заметить, что в драматичные мартовские дни 1936 г. нацистский диктатор продолжал весьма искусно играть как на страхах европейских элит перед новой мировой войной и желании любой ценой ее избежать, так и на их недоверии к Советскому Союзу (отсюда отсылка к франко-советскому пакту 1935 г.). И, надо

of the European Security Problem” // N. A. FO 371/19884. P. 3–4; Notes of meeting held in the Secretary of State’s room at the Foreign Office on February 3rd, 1936 // N. A. FO 371/19885. P. 223–224.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов (далее — Нюрнбергский процесс. Сборник материалов) : в 2 т. Т. 1. М., 1954. С. 305–306.

⁶ Там же. С. 306–307.

⁷ *François-Poncet A. Souvenirs d’une Ambassade à Berlin 1931–1938.* Paris, 1946. P. 250.

⁸ *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха: в 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 332.

⁹ Там же. С. 334.

заметить, фюрер весьма преуспел в своей политико-психологической стратегии. Реакция западных держав была предсказуемо пассивной. По этому поводу советский полпред в Лондоне И. М. Майский метко заметил, что выступление Гитлера «снабжает прекрасной амуницией все германофильские элементы, которых здесь (речь шла о Великобритании, но в данном случае этот тезис можно смело экстраполировать на всю Западную Европу. — А. Н.) достаточно много»¹⁰. Кроме того, полпред замечал, что подобные инициативы внесут «большую путаницу в головы мягкотелых пацифистов и лейбористских бесхребетников, которые готовы считать, что заявление Гитлера о желании вернуться в Лигу Наций одним ударом разрешает всю германскую проблему»¹¹.

В советском дипломатическом корпусе в частности, и в руководстве СССР в целом, разумеется, внимательно следили за развитием ситуации вокруг демилитаризации Рейнской зоны. Уже 8 марта 1936 г. в срочной шифротелеграмме в НКВД Майский писал: «Судя по всему, неизбежен очередной зигзаг британской политики в сторону Германии. Длительность и серьезность этого зигзага в немалой степени будет зависеть от того, сумеют ли другие заинтересованные державы, в первую очередь Франция, проявить твердость и последовательность пред лицом нового акта германской агрессии»¹².

По данным советских дипломатов, первоначально французское правительство было настроено весьма решительно и считало «вообще невозможным обсуждать предложенную Гитлером программу после столь грубого нарушения Версальского и Локарнского договоров»¹³. На это у Парижа были веские основания. Французская армия значительно превосходила немецкую: только на границе было развернуто более десяти дивизий, даже небольшая часть которых могла с легкостью обратить в бегство несколько немецких батальонов, форсировавших Рейн.

Нацистская Германия действительно в тот момент была не в состоянии противостоять Франции. Даже непосредственно в военно-политической элите рейха отсутствовал консенсус относительно целесообразности операции «Шулунг». Военная верхушка указывала на неготовность страны к большой войне и неизбежность разгрома молодого вермахта в случае ее возникновения. Однако такие фигуры, как министр пропаганды Й. Геббельс и глава МИД К. фон Нейрат, всячески убеждали Гитлера в необходимости пойти на риск¹⁴. При этом германский министр иностранных дел ссылался на донесения своих подчиненных из европейских столиц, однозначно демонстрировавших нежелание локарнских держав принимать серьезные меры в случае реокупации Рейнской области¹⁵. Что касается самого Гитлера, то, по свидетельству личного адъютанта фюрера О. Гюнше, отдавая приказ о захвате Рейнланда, он полагал, что Париж не решится на ответные меры военного характера без поддержки Лондона, а Великобритания не станет ввязываться в войну из-за рейн-

¹⁰ Шифротелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о реакции общественно-политических кругов Великобритании на выступление А. Гитлера в рейхстаге по случаю занятия германскими войсками демилитаризованной Рейнской зоны // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582. Л. 105–106.

¹¹ Там же. Л. 106.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 108.

¹⁴ Shore Z. What Hitler knew: the battle for information in Nazi foreign policy. Oxford, 2003. P. 57–59.

¹⁵ См.: Наумов А. О. «Рейнский блеф» Гитлера. С. 46.

ской проблемы, не имевшей прямого отношения к национальным интересам Туманного Альбиона. В отношении последнего фюрер считал, что Соединенное Королевство не только не вмешается в конфликт, но и будет способствовать его мирному разрешению из-за опасений, что эскалация кризиса побудит Францию обратиться за помощью к СССР. А это, в свою очередь, может привести к резкому усилению советского влияния в Европе — настоящему кошмару британских консерваторов¹⁶.

И все же риск для Германии был велик. В мемуарах личного переводчика Гитлера П. Шмидта упоминается, что уже в годы Второй мировой войны нацистский диктатор неоднократно повторял, что 48 часов после оккупации Рейнланда были «самыми тревожными» в его жизни, так как рейх не располагал ресурсами «даже для слабого сопротивления» и в случае французской контратаки немцам «пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами»¹⁷. Гитлер был прав: немецкая «армия вторжения» насчитывала 10 тыс. военнослужащих вермахта и чуть более 20 тыс. полицейских. Франция же, даже не проводя мобилизацию, могла выставить на поле боя около полумиллиона солдат. Неудивительно, что, слушая 7 марта в компании Геринга браваурное выступление Геббельса по радио, фюрер заявил: «Геринг, ведь мы, собственно, настоящие авантюристы»¹⁸.

История могла бы пойти совсем по другому пути, однако этого не произошло. Никаких действий, направленных на принуждение нацистов уважать ранее подписанные договоры, да и в целом европейскую архитектуру безопасности, сформированную после Первой мировой войны, Франция так и не предприняла. В Лондоне занимали жесткую позицию, не желая портить отношения с нацистским режимом из-за реокупации Рейнской области. Выражая господствующее мнение британской политической элиты, ее видный представитель лорд Лотиан заметил: «Германия в конце концов просто вышла в свой собственный палисадник»¹⁹. 9 марта в «Таймс» вышла показательная статья под названием «Шанс на перестройку», в которой прямо говорилось, что «старая структура европейского мира, односторонняя и несбалансированная, почти разрушена. Это момент не для того, чтобы отчаиваться, а для того, чтобы перестроиться»²⁰.

В условиях отсутствия поддержки со стороны Великобритании Франция, имевшая все основания на жесткие, причем односторонние действия, не решилась на них и предпочла передать вопрос на рассмотрение уже изрядно скомпрометировавшей себя в ходе итало-эфиопской войны Лиги Наций. Еще вечером 7 марта премьер-министр Франции П.-Э. Фланден заявил о намерении подключить к урегулированию кризиса международную организацию, исключив таким образом принятие каких-либо решительных контрмер против злостного нарушителя международных соглашений. 10 марта, после консультаций с партнерами по Локарно, в первую очередь с Великобританией, Париж передал вопрос о нарушении Версальского договора в Женеву, запросив совместно с Бельгией экстренного созыва Совета Лиги Наций. Отказавшись от самостоятельных действий, руководство Третьей республики таким образом встало на путь бесконечных консультаций с партнера-

¹⁶ [Гюнше О., Линге Г.] *Неизвестный Гитлер*. М., 2006. С. 41.

¹⁷ Шмидт П. *Переводчик Гитлера*. Смоленск, 2001. С. 48.

¹⁸ [Гюнше О., Линге Г.] *Неизвестный Гитлер*. С. 44.

¹⁹ Цит. по: Ширер У. *Взлет и падение Третьего рейха*. Т. 1. С. 334.

²⁰ The Times. 9 March, 1936. P. 15.

ми, которые оказывали на нацистского диктатора, по едкому замечанию И. М. Майского, такой же эффект, что и «слова крыловского повара на kota Ваську»²¹.

Подобная нерешительность Франции не могла не вызвать серьезную озабоченность у ее союзников в Центральной и Восточной Европе. В донесении начальника Разведывательного управления РККА С. П. Урицкого наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову от 10 марта 1936 г. говорилось, что «чехи — в отношении событий на Рейне — еще не определили своей позиции, ожидая, видимо, что скажут по этому вопросу во Франции и Англии»²². Урицкий сообщал, что министр иностранных дел Чехословакии Крофта в беседе с советским полпредом Александровским намекнул, что он ожидает теперь развития сотрудничества генеральных штабов, подчеркнув при этом, что «чехи, если нужно, будут говорить с немцами, но говорить только на базе договора с Францией и СССР»²³.

На самом деле малые страны Европы, уже начинавшие чувствовать силу нацистской Германии, особенно в условиях пассивности Великобритании и Франции, по сути, предпочли дистанцироваться от рейнской проблемы. 14 марта нарком СССР по иностранным делам М. М. Литвинов сообщал, что среди европейских государств господствует мнение, что дело касается только локальных держав, «которые и должны расхлебывать кашу», отмечая, что «англичане стремятся поскорее втянуть французов в переговоры с Гитлером, в чем им помогает Ван-Зеланд (премьер-министр Бельгии. — А. Н.)»²⁴.

Слова высокопоставленного советского дипломата подтвердились в тот же день в ходе заседания Совета Лиги Наций. Французская сторона настаивала на необходимости жесткого ответа Гитлеру, включая применение политико-экономических санкций, реализация которых должна была поставить Германию «в высшей степени тяжелое положение»²⁵. Поддержку этой инициативе оказали лишь представители СССР и Румынии. Делегаты от Великобритании, Бельгии, Польши и целого ряда других европейских стран отказались поддержать предлагаемые французами антигерманские санкции²⁶. В итоге Совет Лиги Наций принял не имевшую никакого практического значения небольшую резолюцию, констатировавшую нарушение Берлином ряда статей договоров 1919 и 1925 гг.²⁷

В этот же день заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радек отправил И. В. Сталину заслуживающую особого внимания объемную аналитическую записку, посвященную ремилитаризации Рейнской области. В первую очередь, Радек справедливо указывал на важное стратегическое значение захвата демилитаризованной зоны Германией. Получив контроль над переходом

²¹ Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. М., 1962. С. 59.

²² Донесение начальника РУ РККА С. П. Урицкого наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову об отношении чехов к ремилитаризации Рейнской зоны и советско-чехословацкому военному сотрудничеству // Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 880. Л. 23.

²³ Там же.

²⁴ Шифротелеграмма наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова в НКВД СССР о работе чрезвычайного заседания Совета Лиги наций в связи с занятием германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582. Л. 118.

²⁵ ДВП СССР. Т. XIX. М., 1974. С. 140.

²⁶ The Foreign Secretary describes a meeting he has had with the French, Belgian and Italian governments // N. A. FO 371/19892. P. 52–58.

²⁷ League of Nations. Official Journal. 1936. April. Pt. I. P. 327.

через Рейн, Третий рейх в случае возникновения вооруженного конфликта в Европе отныне имел возможность оперативно перебросить свои войска на французскую территорию. Помощь же Франции своим восточноевропейским союзникам могла быть заблокирована немецкими укреплениями на границе, в скором появлении которых Радек не сомневался. «Если настроение французского населения вообще очень затрудняет всякое продвижение французских войск за пределы Франции, — писал он, — то необходимость форсирования будущих массивных германских укреплений (строительство так называемого Западного вала или “Линии Зигфрида” началось уже в 1936 г. и было завершено в 1940 г. — А. Н.) еще больше затруднит действия Франции в защиту ее союзников». По мнению Радека, данное обстоятельство значительно подорвет у Праги и Варшавы веру в потенциально возможную французскую помощь в случае нацистской агрессии и, соответственно, увеличит их зависимость от Германии²⁸.

К. Б. Радек был твердо убежден, что добиться освобождения демилитаризованной зоны от немецких войск в сложившихся условиях было «совершенно нереально», так как Гитлер «не может идти назад». Пытаясь объяснить причины мартовской авантюры фюрера, он указывал как на «потребность перекрыть растущие внутренние затруднения (речь шла об экономических и финансовых проблемах, с которыми столкнулось правительство рейха. — А. Н.) серьезной внешнеполитической победой», так и на «реальные стратегические цели» нацистской Германии. Рейхсканцлер, по мнению Радека, рассчитывал, что Великобритания не будет предпринимать никаких серьезных антигерманских действий, так как надеется добиться нового соглашения, которое увеличит ее роль посредника между Францией и Германией, усилит рычаги ограничения эффективности франко-советского сотрудничества и обеспечит несколько лет для реализации собственной программы перевооружения. В Париже, по данным Радека, «кричат о санкциях» лишь для того, чтобы вместо них добиться от Великобритании в качестве уступки тайного военного англо-французского соглашения²⁹. На самом деле видный советский политический деятель и знаковый представитель международного социал-демократического и коммунистического движения прекрасно понимал логику стратегического мышления лидера национал-социалистической Германии, очень тонко и адекватно оценивая сложившуюся на Европейском континенте ситуацию: «Раз началась такая игра, в которой все блефуют, то дело может выйти за пределы того, что все стороны в данный момент хотят: ни одна не хочет в данный момент не только вооруженного столкновения, но даже такого обострения, которое бы затруднило новую сделку»³⁰.

В отношении политической линии СССР в этих условиях Радек высказывал ряд важных соображений. Во-первых, он предлагал организовать твердое и спокойное выступление против Третьего рейха «с точки зрения не Локарнского договора, а с точки зрения защиты мира перед Германией». Во-вторых, следовало бы поддержать Париж «без выдвигания тех или других советов, что они должны требовать». Наконец, уместным, по мнению Радека, была бы «спокойная критика

²⁸ Записка заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радека И. В. Сталину о значении захвата Германией Рейнской демилитаризованной зоны // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 793. Л. 67.

²⁹ Там же. Л. 68.

³⁰ Там же.

англичан с точки зрения их колебаний, избегание открытых нападений на Англию. Если к компромиссу между Англией и Германией не придут, можно усилить тон». Стоит отметить, что в последнем предложении рукой Сталина было зачеркнуто слово «Англия» и вписано вместо него «Франция»³¹.

Сама Третья республика, как было показано выше, так и не смогла выработать собственной линии в отношении беспрецедентного нарушения послевоенных договоренностей со стороны нацистской Германии. Беспомощность внешней политики Франции, иллюзорность надежд на то, что ситуацию после уже свершившейся агрессии Гитлера в Рейнланде можно как-то изменить, приведя в действие некие механизмы международного права, наглядно демонстрирует телеграмма главы НКВД в Москву от 18 марта 1936 г. М. М. Литвинов писал, что Париж ради сохранения Локарнского договора готов передать вопрос по франко-советскому пакту о взаимопомощи в Постоянную палату международного правосудия под эгидой Лиги Наций в Гааге (ее наследником сегодня является Международный суд ООН), правда, при условии, что немцы немедленно отведут войска на 25 километров от границы, часть войск совсем выведут из зоны и обяжутся в случае решения в пользу Франции вновь демилитаризовать ее³². 21 марта нарком охарактеризовал эту инициативу как «злополучную идею»³³, что полностью отвечало действительности. Спустя еще два дня в шифротелеграмме на имя Сталина он с сожалением констатировал, что французы выдвинули идею обратиться в Гаагу без консультаций с Москвой, причем в случае позитивного для Парижа исхода во Франции все равно не собирались настаивать на выводе немецких войск из Рейнской области. Более того, по данным наркома иностранных дел СССР, в случае отрицательного вердикта Постоянной палаты международного правосудия премьер-министр Третьей республики был готов даже изменить текст франко-советского пакта о взаимопомощи, если вовсе не отказаться от него³⁴.

Так или иначе, данная инициатива не получила дальнейшего развития. А 31 марта 1936 г. Гитлер окончательно отверг все предложения западных демократий, демагогически предложив заключить 25-летние пакты о ненападении между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией — с другой, а также вернуть свою страну в лоно Лиги Наций. Сам фюрер издевательски назвал эти предложения локарнским державам «успокоительными пилюлями»³⁵, за которыми, разумеется, ровном счетом ничего не стояло.

В связи с этим значительный исследовательский интерес представляет личное письмо Сталину, написанное Н. И. Бухариным не позднее 2 апреля 1936 г. и посвященное анализу общественных настроений в ведущих западноевропейских странах и их позиций относительно развития кризисных тенденций Версальской системы. Находившийся в служебной командировке в Европе в качестве главного редактора газеты «Известия», Бухарин констатировал, что в Старом Свете сильны боязнь возникновения крупного вооруженного конфликта и обывательский паци-

³¹ Записка заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радека... Л. 70.

³² Шифротелеграмма наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова в НКВД СССР о разногласиях участников чрезвычайного заседания Совета Лиги наций в связи с занятием германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582. Л. 125.

³³ Там же. Л. 134.

³⁴ Там же. Л. 138а.

³⁵ [Гюнше О., Линге Г.] Неизвестный Гитлер. С. 44.

физм под лозунгом «все, только не война»³⁶. По его словам, в западных столицах многие, включая даже представителей левых партий, рассуждали следующим образом: «Ну и что же, немцы заняли свою территорию». Автор письма с возмущением докладывал, что в некоторых кинотеатрах Парижа часть публики аплодировала, когда на экране демонстрировались кадры вхождения немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) далее сообщал, что широким слоям европейских обывателей импонируют предложения Гитлера об установлении длительного периода мирного сосуществования; Советский Союз же изображается как единственная сила, толкающая на крайние меры и на войну. «В Англии, по газетам судя, — писал Бухарин, — все эти настроения (и в особенности у лейбористов) еще более крепки. В Голландии, Бельгии, Дании, где я был, они тоже решают»³⁷. Если бы Великобритания вела себя иначе, а Франция «после махания руками» не испугалась бы (в оригинале рукописного письма употреблен непечатный дисфемизм слова «испугалась»), то, по мнению Бухарина, совместно Москва и западные демократии поставили бы нацистского диктатора на колени. Однако «милые державы повели себя позорно, Гитлер выиграл, и, как это ни странно, инициатива сейчас у него, причем благодаря Англии эта инициатива представляется как инициатива мира (!)», — заключал он³⁸.

Третий рейх действительно перехватил инициативу в большой европейской политике, и его проактивные действия становились все более динамичными и агрессивными. Трусливая же позиция Парижа в ходе Рейнского кризиса обошлась ему очень дорого. Геополитическое влияние Франции в Европе было подорвано; особенно сильный удар пришелся по выстраиваемой на протяжении полутора десятилетий системе французских союзов со странами к востоку от Германии.

В столицах центрально- и восточноевропейских государств, разумеется, не могли не заметить драматические изменения в стратегической обстановке на континенте. 7 мая 1936 г. М. М. Литвинов в докладной записке Сталину приводил поддержку из письма советского полпреда в Чехословакии, свидетельствующей о царящей после реокупации Рейнланда в стране панике, доходившей до готовности немедленно капитулировать перед нацистской Германией. Со ссылкой на С. С. Александровского нарком по иностранным делам сообщал, что в Чехословакии прекрасно отдают себе отчет в том, что если и раньше помощь Франции натывалась на трудность преодоления пространства в несколько сотен километров, то после ремилитаризации Рейнской зоны и ее укрепления Гитлером такая помощь почти иллюзорна. «От СССР Чехословакия, в свою очередь, отделена польской и румынской территориями, поэтому реально помощь может быть оказана только по воздуху, — передавал полпред. — Однако, пока Красная Армия будет шагать (если она вообще сможет и захочет прийти на помощь, — высказывались и такие сомнения), Германия в щепки разнесет Чехословакию, так что и помогать-то будет некому»³⁹.

³⁶ Письмо кандидата в члены ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарина И. В. Сталину о настроениях в Европе в связи с занятием Германией Рейнской демилитаризованной зоны, об отношении к СССР с оценкой политики Великобритании и Франции и о дальнейших шагах гитлеровской экспансии // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 112.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 113.

³⁹ Докладная записка наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова И. В. Сталину о царящей в Чехословакии панике после ремилитаризации Рейнской зоны и готовности капитулировать перед нацистской Германией // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 880. Л. 70.

В этих условиях, по данным Александровского, в Чехословакии усиливаются настроения «не драться с немцами». Капитулировать, по мнению протагонистов такой позиции, «прилично и в рамках Лиги Наций, оставив таким образом за собой все возможности всплыть на поверхность, если Германия будет побита или попытается ужиться, договориться с ней о каком-нибудь минимуме, если она восторжествует»⁴⁰. Кроме того, полпред обращал внимание, что в Праге из двух вариантов — нацистская оккупация или война и якобы следующая за ней революция — скорее выберут первый. «Военный конфликт с Германией и поражение в нем — национальное порабощение. Но Гитлер, по крайней мере, не национализирует землю и имущество, а только здорово пощиплет, что все же едва ли обойдется дороже, чем длительная война и революция. Поэтому необходимо энергично бороться за мир, но в случае неизбежности войны вовремя стать на колени перед Германией также и потому, что Франция и СССР, в случае победы над Германией, будут нуждаться каждая по-своему в Чехословакии. В политике не “наказывают”, в ней нет сантиментов и бояться последствий “измены” не приходится»⁴¹, — говорилось в послании. Как известно, следование подобной логике для самой Праги закончилось крайне плачевно уже через два с половиной года в Мюнхене.

В заключение следует отметить, что ремилитаризация Рейнской области явилась важнейшей вехой в межвоенной истории. Континентальный баланс сил начал неумолимо меняться в пользу нацистской Германии. Руководство Третьего рейха убедилось в возможности добиваться поставленных целей силовым путем и приступило к активному перевооружению страны и разработке новых агрессивных планов, теперь уже по захвату независимых государств в самом центре Европы — Австрии и Чехословакии. Непосредственно Гитлер чрезвычайно укрепил свое влияние в германской армии и еще более увеличил популярность в народе как борец с унижительными версальскими ограничениями.

Проявившая политическое безволие Франция не только лишилась своего международного престижа, но и оказалась в крайне невыгодном стратегическом положении. Возможность оперативно прийти на помощь восточноевропейским союзникам для нее оказалась весьма сомнительной. Более того, в октябре 1936 г. Бельгия расторгла военный союз с Францией от 1920 г., и являвшаяся краеугольным камнем военного планирования Парижа концепция «линии Мажино» едва ли не полностью обесценилась. Великобритания, в свою очередь, недвусмысленно сделала ставку на политику умиротворения в надежде направить германскую агрессию на Восток — против столь ненавистного для британских консерваторов коммунистического Советского Союза. Однако, оказавшись в плену идеологических предрассудков, политическая элита Соединенного Королевства, как показала история, фатально заблуждалась в отношении истинных намерений Гитлера.

Небольшие европейские государства, входившие в состав Малой и Балканской Антанты, а также Австрия были поставлены перед сложным выбором — сохранить ориентацию на Великобританию и Францию или попытаться найти компромисс с набиравшей мощь нацистской Германией, что на практике означало резкую сдачу позиций перед лицом экспансии Третьего рейха. «Решение от 7 марта 1936 года, — справедливо, но с очень большим опозданием, заметил на Нюрнбергском трибуна-

⁴⁰ Докладная записка наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова... Л. 71.

⁴¹ Там же.

ле обвинитель со стороны Франции, — стало прелюдией к агрессивным действиям Германии против Австрии, Чехословакии и Польши»⁴².

В этих условиях Советский Союз, продолжая попытки создать действенную систему коллективной безопасности в Европе, не мог не задуматься об альтернативных методах обеспечения собственной безопасности. Архивные документы наглядно демонстрируют, что в Москве весной 1936 г. достаточно трезво оценивали ситуацию, понимая как истинные мотивы Гитлера, так и суть закулисных игр Лондона и Парижа. Дальнейшие события, связанные с развитием кризиса Версальской системы, — гражданская война в Испании, аншлюс Австрии и особенно Мюнхенское соглашение 1938 г. — еще более убедили Кремль в ненадежности и даже невозможности создания единого блока с западными демократиями, способного остановить гитлеровскую агрессию. И хотя попытки реализовать этот сценарий сталинское руководство не оставляло вплоть до самого кануна Второй мировой войны, в итоге СССР был вынужден принять иное решение.

References

- François-Poncet A. *Souvenirs d'une Ambassade à Berlin 1931–1938*. Paris, Flammarion, 1946, 356 p.
- Ivanov A. G. Reinskii krizis 1936 g. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 2017, vol. 9, no. 5/1, pp. 76–85. (In Russian)
- Krupskaja S. Iu. Vneshnepoliticheskaia propaganda natsional-sotsialisticheskoi Germanii i problema okkupatsii Reinskoi demilitarizovannoi zony (mart 1936). *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*, 2017, no. 2–3, pp. 111–114. (In Russian)
- Maiskii I. M. *Kto pomogal Gitleru*. Moscow, Institute of International Relations Press, 1962, 198 p. (In Russian)
- Naumov A. O. “Reinskii blef” Gitlera. Remilitarizatsiia Reinskoi oblasti v 1936 godu. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2011, no. 2, pp. 43–59. (In Russian)
- Naumov A. O. *Evropa na kraiu bezdny. Krizis i krakh Versal'skoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii*. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2020. 480 p. (In Russian)
- Pechatnov V. O., Magadeev I. E. “...Velikii krizis vot-vot nachnetsia”: iz doneseniia amerikanskoi voennoi razvedki v 1935–1941 gg. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, no. 3, pp. 145–159. (In Russian)
- Riabokon' S. I. Reinskii krizis i Balkanskaia Antanta (mart — mai 1936). *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke (1933–1943)*. Sverdlovsk, Templan Publ., 1979, pp. 5–20. (In Russian)
- Savinova N. V. “Nemtsy deistvuiut reshitel'no — znachit chuvstvuiut silu”: materialy NKVD ob otklikakh naseleniia Leningrada na vstuplenie germanskikh voisk v Reinskuiu demilitarizovannuiu zonu v 1936 g. *Modern History of Russia*, 2012, no. 1, pp. 236–247. (In Russian)
- Shirer U. *Vzlet i padenie Tre'tego reikha*, vol. 1. Moscow, Voenizdat Publ., 1991, 653 p. (In Russian)
- Shmidt P. *Perevodchik Gitlera*. Smolensk, Rusich Publ., 2001, 392 p. (In Russian)
- Shore Z. *What Hitler knew: the battle for information in Nazi foreign policy*. Oxford, Oxford University Press, 2003, 159 p.
- Thomas M. *Britain, France & Appeasement. Anglo-French Relations in the Popular Front Era*. Oxford, Berg, 1996, 268 p.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: February 5, 2022

Accepted: September 10, 2022

⁴² Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 210.